



В. Б. СТАНКЕВИЧ

<«Керенский воплощал собой единственно возможную в России линию государственной власти»>

В воздухе носились настолько отчетливые ожидания каких-то событий, что однажды, будучи дежурным в батальоне в один из тревожных дней, когда, по всеобщему уверению, что-то должно было произойти, я звонил Керенскому из казарм, чтобы он имел в виду, что я дежурю в войсковой части, ближайшей к Таврическому дворцу.

Какого-нибудь участия в заговорщических кружках того времени я не принимал. Лишь в конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможных дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левые русла, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о конституционном режиме вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды. Но это не поколебало общей решимости покончить с безобразиями придворных кругов и низвергнуть Николая. В качестве кандидатов на престол назывались различные имена, но наибольшее единодушие вызывало имя Михаила Александровича как единственного кандидата, обеспечивающего конституционность правления <...>.

<...>

В один из первых дней, когда еще велись переговоры относительно составления правительства, Керенский, увидя меня около кабинета Родзянки, подошел ко мне и заявил: «Знаете ли, мне предлагают портфель министра юстиции... Братъ или не братъ?» Вопрос был в той плоскости, что демократические партии вообще отказались от участия в правительстве, и Керенскому приходилось идти против настроений своих друзей.

— Все равно, — ответил я, — возьмете или нет — все пропало.
— Как все пропало? Ведь все идет превосходно.
— Армия разлагается... Но, может быть, вы еще спасете. Конечно, брать...

И я поцеловал его...

Он был единственный человек, который с энтузиазмом и с полным доверием отдался стихии народного движения, чувствуя гораздо более и шире, чем другие, и осознав с первого дня все историческое величие совершающегося переворота. Единственно он со всей верой в правду говорил с солдатами «мы»... И верил, что масса хочет именно того, что исторически необходимо для момента <...>.

<...>

Мы приехали в Тарнополь¹ в день начала артиллерийской подготовки, и командование фронта решило использовать пребывание Керенского для агитации в армии. В первый же день его повезли в 1-й гвардейский корпус.

Колоссальная масса солдат — это был наиболее многочисленный митинг из всех виденных мной: тысяч, вероятно, до 15-ти. Тут же весь командный состав. Все это расположилось в лощине с пологими боками, сплошь покрытыми солдатским морем. Посередине автомобиль Керенского. Но командный состав был в волнении — главный агитатор и смутьян, капитан Дзевалтовский², знаменитый большевик, не явился на митинг, и поэтому, по мнению командного состава, митинг наполовину терял свое значение, так как останутся неопровергнутыми главные аргументы, колеблющие порядок. Между тем Дзевалтовский с двумя наиболее непокорными и деморализованными полками расположился в стороне и в середине митинга прислал депутацию к Керенскому с просьбой прийти к ним <...>.

И началась позорная картина бесполезного словопрения с заведомо несогласными. Первую речь тоном обвинителя произнес Дзевалтовский, самоуверенно и вызывающе повторивший все нападки большевистской прессы. Потом по пунктам отвечал Керенский, потом опять говорил Дзевалтовский. Часть аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому, но большинство слушало молча, думая про себя свою думу и, вероятно, не отдавая себе отчета в происходящих спорах и смутно сознавая, что вопрос шел о кардинальнейшем для каждого вопросе — идти в наступление или не идти... В общем, конечно, был провал. Впечатление уступчивости, нерешительности власти на фоне растерянности командного состава не предвещало ничего хорошего.

<...>

Он первый из деятелей революции понял необходимость поворота от слов к действиям и организации твердой власти, и для этого, преодолевая оппозицию своих партийных друзей и комитета, он выбрал себе помощником Савинкова³. Он сделал Верховным главнокомандующим Корнилова, который при старом режиме не мог двинуться дальше дивизионного командира и потерял кредит в революционных кругах после командования гарнизоном в Петрограде. Преодолевая чрезвычайное количество всевозможных влияний, он издал приказ о военно-революционных судах в армии. Но он был демократ. Он соглашался и готов был на чудовищные усилия воли и мысли для того, чтобы поворачивать весь громадный корабль государственности и общест-венности в ту сторону, где видел спасение. Но он хотел это делать так, чтобы не только абстрактное представление о благе народа, но и живое сочувствие и понимание реального большинства поддерживало его.

<...>

Он верил, что большинство может понять и одобрить его стремле-ния. Конечно, он верил в народ и, быть может, даже несколько идеа-лизировал его... Но ведь и народ верил Керенскому и идеализировал его. Почему же народу простительно идеализировать одного челове-ка, а одному человеку непростительно с верой и любовью относиться к своему народу? И поэтому часто в словах ненависти к Керенскому мне слышались слова ненависти не только к революции, но и всему народу. Во всяком случае, для того времени Керенский воплощал собой единственно возможную в России линию государственной власти: и слева, и справа была анархия и гражданская война.

<...>

Керенский произвел на меня впечатление какой-то пустынностью всей обстановки и странным, никогда не бывалым спокойствием. Около него были только его неизменные «адъютантики». Но не было ни постоянно раньше окружавшей толпы, ни делегаций, ни про-жектеров. И не только в Могилеве — во время болезни — то же самое поразило меня и в Петрограде в Зимнем дворце. Появились какие-то странные досуги, и я имел редкую возможность беседовать с ним по целым часам, причем он обнаруживал какую-то странную неторопливость. И он не раз повторял, что с нетерпением ожидает созыва Учредительного собрания для того, чтобы, открыв его, сло-жить свои полномочия и немедленно, во что бы то ни стало, уйти.

